

«Николай Степанович такой-то...»
(К ВОПРОСУ О ПРОТОТИПЕ ГЕРОЯ ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ
ИСТОРИЯ»)

Иванов Г. В.

В «Материалах для словаря литературных прототипов», опубликованных М.С.Альтманом в одном из выпусков «Ученых записок» Горьковского государственного университета, под № 25 значится: «Бабухин Александр Иванович (1835 - 1891) – **Николай Степанович**. А. П. Чехов. «Скучная история». «Бабухин А. И. профессор гистологии и эмбриологии Московского университета, – разъясняет М. С. Альтман в соответствующем примечании. – Намек на идентичность героя «Скучной истории» с Бабухиным дан в самой повести Чехова (гл. I)».

Действительно, в первой главе повести, говоря о том, что «в нашем обществе все сведения о мире ученых исчерпываются анекдотами о необыкновенной рассеянности старых профессоров и двумя-тремя остротами, которые приписываются то Груберу», то ему, «то Бабухину», «Николай Степанович такой-то», казалось бы, сам дает некоторые основания читателям для невольного сближения своего «счастливого имени» с именем А. И. Бабухина. Более того, по воспоминаниям одного из корреспондентов газеты «Русские ведомости» за 1909 год (т. е. воспоминаниям, появившимся через двадцать лет после публикации повести и – что также немаловажно – через двенадцать лет после описываемых в них событий), в беседе с группой студентов, состоявшейся в апреле 1897 года в Мелихове, Чехов не очень возражал против упорной попытки собеседников связать образ своего нравственно обанкротившегося героя с образом своего бывшего учителя, хотя в 1897 году молодые студенты-медики едва ли могли иметь ясное «зрительное» представление об умершем шесть лет тому назад профессоре А. И. Бабухине.

Между тем проблема реального, конкретного «прототипа» того или иного вымышленного литературного героя – проблема в высшей степени деликатная, не случайно в той же беседе со студентами Чехов счел нужным подчеркнуть некую художественную «собираемость» созданного им образа. Именно этим, очевидно, объясняется и сходство некоторых суждений старого, умирающего ученого с суждениями самого Чехова. Именно этим объясняется и утверждение старшего современника Чехова – Н. К. Михайловского – о том, что Чехов «чисто случайно и в этом смысле художественно незаконно» обременил своего героя «62-мя годами и дружбой с Пироговым, Кавелиным, Некрасовым», так как «для людей, воспитавшихся в той умственной и нравственной атмосфере, какую г. Чехов присваивает Николаю Степановичу, нет... ничего характернее... погони за общими идеалами, которые связывали бы все концы с концами в нечто цельное и непрерывное».

Именно этим, наконец, объясняется как своего рода «портретное сходство» «Николая Степановича такого-то» с его знаменитым тезкою – Николаем Ивановичем! К Пироговым (ср., например, «автопортрет» чеховского героя с написанным в 1881 году И. Е. Репиным портретом Пирогова), так и скрытая переключка отдельных мест повести с опубликованным в середине восьмидесятых годов «Дневником старого врача» Пирогова, который А. П. Чехов – врач и писатель – оценил чрезвычайно высоко и который, по его мнению, следовало бы обязательно выпустить отдельным общедоступным изданием (XIII, 129).

Сравним, например, замечание Николая Степановича о том, что «писать по-немецки или английски» ему значительно легче, «чем по-русски» (VII, 226), с признанием Пирогова в том, что во время его профессорской деятельности в Дерпте ему «легче было читать и писать о научных (медицинских) предметах по-немецки, чем по-русски». Убеждение Николая Степановича,

что «для пороха нужны фантазия, изобретательность, умение угадывать», иначе в науке будешь не хозяином, а работником (VII, 233), с утверждением Пирогова, что «все высокое и прекрасное в нашей жизни, науке и искусстве создано умом с помощью фантазии, и многое – фантазией с помощью ума», что «без фантазии и ум Коперника и Ньютона не дал бы нам мировоззрения, сделавшегося достоянием всего образованного мира», и что «ничто великое в мире не обходилось без содействия фантазии». Искреннюю уверенность Николая Степановича в том, что «наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви, и что только ею одною человек победит природу и себя» (VII, 235-236), с присущей, по мысли Чехова, крупнейшим русским медикам - в том числе и Пирогову – верой «в медицину, как в бога» (XIV, 200) и т. д. и т.д.

Вот почему, хотя М. С. Альтман и оговаривается в своей работе, что под прототипом он понимает «лишь тот первоначальный образ (или прообраз), от которого художник получает первоначальный импульс, первый творческий толчок», и что «в процессе дальнейшего развития и видоизменения образа, по мере того как прототип преобразуется в тип, художник может подчас очень далеко отойти от своего исконного «видения»», видеть в А. И. Бабухине – истинном сыне шестидесятих годов, посвящавшем, как правило, первую, вводную лекцию к своему курсу «на кому-нибудь общему философскому вопросу», – «прототип» гибнущего без «общей идеи» «Николая Степановича такого-то» едва ли правомерно и справедливо, что, по-видимому, и следует учитывать при освещении и комментировании повести А. П. Чехова «Скучная история».